

КАРТЫ ТАРО В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИКО-МИСТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ

М. А. Коденев

Белорусский государственный университет культуры и искусств

Минск, Беларусь

E-mail: kodenev@maxim.by

Академическое исследование долгое время оставляла в стороне изучение феноменов, которые мы бы сейчас отнесли в категорию «оккультного», «мистического», «эзотерического» (порой даже употребляя эти термины как синонимы). В XX в. было два значительных поворота в изучении «отверженного знания»: деятельность клуба «Эранос», который тяготел, скорее к феноменологической и юнгианской трактовке проблемы и сциентистский подход к оккультным феноменам, в рамках «социологии оккультного» в 70-е годы XX в. Во втором случае, феномены, связанные с оккультизмом и эзотеризмом, рассматривались изначально как неправильное, по сравнению с научным знанием, и трактовались как результаты «десакрализации» в рамках процесса секуляризации, либо, напротив, «ресакрализации» и трансформации религии [2, с. 249–250]. Культурологический подход, на наш взгляд, рассматривает феномены, относящиеся к эзотерической традиции, как специфическое проявление социально оформленного маргинального знания, имеющего и свою историю и функцию в формировании знания «легитимного». Концепция «мусорной корзины истории» (термин Марчелло Труцци и Джеймса Уэбба) даёт возможность изучить «вытесненные» из западной культурной традиции формы знания, дополняя традиционную историю культуры и историю идей. Иными словами, то о чём в какой-либо культуре молчат (считают «не-знанием»), говорит об этой культуре порой не меньше, чем то, о чём говорят все. Значительно возросший интерес к западной эзотерической традиции среди историков культуры и религиоведов обусловлен, помимо увлечения этим феноменом массовой культурой, ещё и частичным отказом от позитивистской парадигмы исследования знания в культуре и попыткой выяснить роль «отверженного», маргинального знания в становлении европейского типа рациональности. Карты таро, которым посвящено данное сообщение – часть европейской эзотерической традиции и, с недавнего времени, часть современной массовой культуры.

Описательно, карты таро представляют собой колоду из 78 карт со специфическими изображениями, структурно и иерархически разделяемая на две части: 56 младших карт (Минорных Арканов) и 22 Высших Аркана. Минорные арканы, подобно обыденным игральным картам разделены на 4 масти (мечи, жезлы, кубки и монеты (или пентакли)), в каждой из которых содержится 14 карт: от 1 до 10, а также Король, Королева, Рыцарь (Всадник) и Паж (Валет). Высшие Арканы состоят из карты Шут (в традиции считающейся нулевой, хотя были исключения) и 21 пронумерованной карты со сложными символическими изображениями и устоявшимися названиями (напр. Император, Императрица, Отшельник, Влюбленные, Колесо Фортуны, Умеренность, Дьявол и др.). Именно причудливые символические изображения на Мажорных Арканах дают простор разнообразным интерпретациям и «пробуждает у гадающего связанный с ней [картинкой] сюжет с учётом расклада карт» [1, с. 13].

Происхождение этих карт остаётся доподлинно неизвестным. Многие эзотерики считают происхождение карт мистическим откровением Гермеса, древней тайной традицией «подлинного» знания, древней египетской мудростью и т.д. Более академически настроенные исследователи фиксируют вполне неэзотерическое происхождение карт таро, известные в европейской культуре примерно с 15 в. Такие историки как Хелен Фарлей или Майкл Дамметт отмечают, что у нас нет данных, говорящих об оккультно-мистическом использовании карт таро до 15 века. Скорее всего, они изначально использовались для

вполне светской настольной игры [5, с. 13]. Возможно эти карты использовались как гадательные, но, скорее, перед нами процесс использования атрибутов светской игры для мантических практик, чем наоборот – секуляризация изначально сакральных предметов. Использование карт таро в качестве элементов мистического или дивинаторного знания связано с именем протестантского пастора и масона Антуана Курта де Жебелина, предложившего в 80-е годы 18 в. идею египетского происхождения карт, выходящих за пределы простой игры и описывающих универсальное устройство мира во всех его проявлениях. После двух эссе о месте таро в истории магии и оккультизма де Жебелина его идеи подхватили Жан-Баптист Аллиетте, известный больше под псевдонимом Эттейлла, Мари-Анни Адель Ленорман, и далее множество авторов и практиков из масонской, розенкрейцеровской, илюминатской среды, вплоть до Элифаса Леви, Жерара Энкоссе (Папюс) и деятелей XX в. таких как Артур Эдвард Уэйт, Петр Успенский, Григорий Мёбес, Алистер Кроули [4.]. В ходе интерпретаций карты таро связывались с тайной мудростью Древнего Египта, откровением Гермеса Трисмегиста, с системой сфирот иудейской Каббалы и буквами иудейского алфавита, нумерологией и астрологией. К XX в. карты ассоциировались уже не просто с игрой в тарок, не просто с символическими иллюстрациями аллегорий жизни и даже не с гадательным инструментом, но с компендиумом мудрости «тайного знания», использовались для инициатических ритуалов различными тайными обществами, магического пути души и, в конце концов, как ключ к открытию собственных внутренних способностей.

Майк Состерик в своей статье «Социология таро», отмечает, что интерес к таро (начиная с Жебелина и Эттейлы) как сокровищнице оккультных тайн совпадает с эпохой Великих Революций и Просвещения отнюдь не случайно. С его точки зрения, эзотерические и, в частности, инициатические масонские сообщества задают новую организационную модель власти и правящей элиты, взамен старой патриархально-церковной, и в своих институциональных стратегиях пытаются конвертировать людей в новый социальный порядок, больше соответствующий новому типу сообщества – буржуазному [6, с. 366]. Связь оккультных интерпретаций карт таро, понятых как «энциклопедии» тайного знания и рационалистического духа эпохи Просвещения подчёркивает и украинский исследователь Руслан Халиков [3, с. 165].

Огромный толчок к реинтерпретации образов карт таро дала аналитическая психология К. Г. Юнга. Подобно тому как сам Юнг реабилитировал символику и язык европейской алхимии, связав стадии алхимического процесса с процессом индивидуации, так и его последователи видят в символике карт таро герменевтический способ построения собственной внутренней идентичности на основании архетипических образов. Тарологи юнгианской школы рассматривают работу с таро чаще всего в эзотерическом ключе как интуитивный инсайт в собственное бессознательное и индивидуальное толкование и программирование собственной судьбы (отсюда и попытка рационально объяснить предсказательную силу раскладов). Следует отметить, что предсказательная функция таро фактически растворяется в психолого-терапевтической, вплоть до некоторых редких случаях, до полного игнорирования эзотерической и мистической составляющей карт. Такая герменевтическая стратегия легла в основу использования современных метафорических карт, секуляризованных по символическому содержанию изображений и методам истолкования, но уходящим корнями в практики чтения и интерпретаций таро.

Таким образом, мы можем выделить несколько способов восприятия карт таро в истории культуры: 1) как набор для игры, имеющей развлекательный характер; 2) как аллегорическое изображение жизни, имеющее уже моральный и созерцательный характер; 3) как набор карт для предсказания и гадания; 4) как символическое изображение «тайного знания»; 5) как часть инициатических практик приобщения к эзотерическому знанию и овладению скрытыми магическими силами; 6) как набор архетипических изображений для практик психологической трансформации и самоактуализации. Некоторые из названных функций карт таро вполне совмещаются в единую синкретическую систему их восприятия.

На примере культурной истории карт таро мы можем наблюдать как процесс сакрализации секулярного феномена, так и процесс секуляризации сакрального и превращению его в элемент массовой культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Каплан, С. Р. *Классика Таро. Происхождение, история, гадание* / С. Р. Каплан / Пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 207 с.
2. Тирикьян, Э. К социологии эзотерической культуры / Э. Тирикьян // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – № 4 [31]. – 2013. – С. 247 – 275
3. Халиков, Р. Х. Рефлексия над таро как продукт просветительского мировоззрения / Р. Х. Халиков // *Мистико-эзотерические движения в теории и практике. «Тайное и явное»: многообразие репрезентаций эзотеризма и мистицизма. Сб. материалов Четвертой международной научной конференции (2–4 декабря 2010 г., Днепропетровск)* / Под ред. С. В. Пахомова. – СПб.: РХГА, 2011. – С. 158 – 166.
4. Decker, R. Dummet, M. *A history of the occult Tarot, 1870 – 1970* / R. Decker, M. Dummet. – London: Duckworth, 2002. – 379 p.
5. Farley, H. *A cultural history of Tarot* / H. Farley. – London: I.B. Tauris, 2009. – 270 p.
6. Sosteric, M. *A sociology of tarot* / M. Sosteric // *Canadian Journal of Sociology*. – № 39 (3). – 2014. – P. 357–391.